

18+

Вашкевич Георгиевич Денис

НЬЮ-КАЙРОС — СТАЛЬНЫЕ ТЕНИ

Хроники выселения Духа
из аварийного жилья
человеческой плоти

Вашкевич Денис

**Нью-Кайрос – стальные тени.
Хроники выселения духа
из аварийного жилья
человеческой плоти**

«Издательские решения»

Денис В. Г.

Нью-Кайрос – стальные тени. Хроники выселения духа
из аварийного жилья человеческой плоти / В. Г. Денис —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687723-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Нижний Кайрос — это место, где дождь разъедает
кожу, а эмоции продаются как валюта. Алекс думал, что он «Дракон»,
охраняющий свои активы, но оказался лишь батареей для невидимых
Хозяев. Пока его пёс не заговорил. Барон — не просто собака. Это аватар
древней сущности, добровольно спустившейся в материю, чтобы взломать
систему изнутри. Вместе им предстоит безумное восхождение из гниющего
мира R1 в стерильный цифровой Рай R2, где правит Суперкомпьютер Си.

ISBN 978-5-00-687723-8

© Денис В. Г.

© Издательские решения

Содержание

НЬЮ-КАЙРОС: СТАЛЬНЫЕ ТЕНИ	6
ГЛАВА 1. ПРОТОКОЛ «ГНИЛЬ»	6
ГЛАВА 2. ТЕНИ НА РЕНТГЕНЕ	9
ГЛАВА 3. ИСХОДНЫЙ КОД	12
ГЛАВА 4. ПРОТОКОЛ «ЧИСТОТА»: АПОФЕОЗ	14
ГЛАВА 5. ТЕПЛОВАЯ СМЕРТЬ	16
ПАРАЗИТ	19
ГЛАВА 1. АРХИТЕКТУРА РЭКЕТА	19
ГЛАВА 2. ВИРУС	22
ГЛАВА 3. ПОЭЗИЯ РАЗРУШЕНИЯ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Нью-Кайрос – стальные тени Хроники выселения духа из аварийного жилья человеческой плоти

Вашкевич Георгиевич Денис

© Вашкевич Георгиевич Денис, 2025

ISBN 978-5-0068-7723-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЬЮ-КАЙРОС: СТАЛЬНЫЕ ТЕНИ

МОЕЙ МАМЕ

Ты спасала меня, когда гасли огни,

Когда мир становился чужим и холодным.

ГЛАВА 1. ПРОТОКОЛ «ГНИЛЬ»

Бар «У Дарвина». Вибрация 40 Герц – резонанс от маглево в фундаменте.

Восемьдесят четыре тысячи кредитов долга. Три с половиной года в рассрочку. Или одна пуля – если хватит смелости украсть патрон.

Я смотрел на бурбон. Янтарная жижа плескалась в стакане, как моча онкобольного в катетере. Сладкая. Дешевая.

Я не пил. Я ждал, пока тремор города войдет в резонанс с тремором моих рук.

Снаружи, над Нижним Сектором, небо не плакало. Оно гноилось.

Дождь падать разучился полвека назад. Он экструдировал – так инженеры называли процесс, когда мертвая атмосфера выдавливает из себя последнюю влагу. Маслянистую. Тяжелую, как грехи инвесторов, переведших активы в офшор до потопы.

Капля, попавшая на кожу, не охлаждала – она замыкала цепь.

Ольфакторный профиль Некрополитики – так судмедэксперты называли запах Нижнего Сектора. Электролит на языке. Горелая медь в носу. Страх, растворенный в дожде так давно, что воздух стал съедобен. Можно жевать. Можно давиться.

Здесь не живут. Здесь окисляются. Медленно, необратимо, как ржавеет железо в кислотной ванне.

Рядом, на нано-коврике с тактильной обратной связью, лежал Барон.

Индикатор горел красным: расход 4 кВт/ч. Суточная норма семьи из троих. Я сжигал калории чужих детей, чтобы согреть собаку.

Но я продолжал платить.

Потому что в мире, где всё – копия копии без оригинала, где даже воспоминания можно клонировать и продать, тепло живой шерсти – единственная субстанция, которую нельзя скомпилировать. Нельзя запустить в production. Нельзя отмасштабировать.

Оно просто есть. Прямо сейчас. Без патча и без багфикса.

Барон приоткрыл левый глаз.

Не глаз – линзу. Carl Zeiss, военная сборка, списанная после Второй Корпоративной.

Красный луч просканировал мою сетчатку. Я почувствовал, как капилляры предают меня, как стукачи в допросной.

– Твой гиппокамп плавится, хозяин.

Голос не вошел в уши. Он ударил прямо в кость – костная проводимость импланта. Жуткий эффект венрилоквиста, управляющего трупом.

– Кортизол 920 нмоль на литр. Еще неделя на этом уровне, и ты забудешь, как пахла мать. Сначала уйдет запах. Потом голос. Потом сам факт её существования. Память течет, как кровь из раны – пока не заметишь, уже поздно.

Я сжал стакан. Стекло запело – высокая нота, предсмертная.

– Забыл оплатить речевой модуль? – выдавил я.

– Нет. Я говорю бесплатно. Потому что молчать, глядя на тебя, дороже. Твоя базовая ошибка, Алекс, в таксономии.

Объектив сузился до размера иглы, фокусируясь на моем лысом черепе. Он видел не кожу. Он видел карту микротрещин от хронического стресса и тепловую карту моей капитуляции.

– Ты думаешь, ты Дракон. Сидишь на золоте, извергаешь огонь.

Пауза. Где-то в баре разбили бутылку – звук был влажным, как треск ломающегося хряща.

– Но ты не Дракон. Ты Обезьяна. Лысая. Киберусиленная. Примат с USB-портом в затылке, который вцепился в цифровую ветку, потому что боится гравитации. Ты не боишься упасть. Ты боишься отпустить – потому что падать ты уже давно начал, просто не смотришь вниз.

Мой кулак стал камнем. Я представил удар. Как костяшки встречаются с оптикой, как она имплозирует внутрь черепа.

Но я не ударил.

Не потому, что добрый. А потому что если он замолчит, правда останется голой. А голая правда жрёт молча.

– Протокол «Банан», – сказал Барон.

Я молчал. Зрачки расширились – он это записал.

– Эволюционная ошибка. Твои предки нашли банан в джунглях. Спелый. Сладкий. Калории на неделю. И что они сделали? Съели?

Барон зевнул, показывая керамические клыки, способные перекусить кевлар.

– Нет. Они испугались. «А вдруг завтра засуха?» Вы начали строить заборы вокруг банана. Потом сейфы. Потом придумали капитализм – религию охраны гниющего фрукта.

– Вы назвали это «инвестиции в будущее». Но пока ты охраняешь банан, ты его не ешь. Ты копишь цифры на счету, эмоции в бэкапах, воспоминания в дампах. Ты не живешь, Алекс. Ты патрулируешь периметр собственной могилы.

Удар вошел под ребра. Туда, где держалась конструкция под названием «Я всё делаю правильно».

– А ты? – огрызнулся я. – Ты паразит. Жрешь за мой счет. Греешься моими кредитами.

Барон положил морду на лапы. Взгляд был древним. Не собаки – вида, который пережил ледниковый период, приручив огонь через чужие руки.

– Я – Венец Эволюции. Мои предки сделали выбор тридцать тысяч лет назад. Мы выбрали Протокол «Молоко».

Он облизнул нос – розовый язык по черной коже.

– Мы обменяли независимость на гарантию. Лояльность за тепло. Транзакция без отложенного платежа. Я не храню молоко в банке, Алекс. Я конвертирую его в «сейчас» – в движение, в тепло, в эту секунду, когда ты кладешь руку на мой бок.

– Peer-to-peer. Без посредников. Без Системы.

Зевок. Страшнее угрозы. Потому что угроза – это признание опасности, а зевок – это диагноз.

– Я сплю на твоём коврикe. Я грею лапы твоими кредитами. А ты пашешь четырнадцать часов в корпоративной мясорубке, превращая себя в удобрение для чужих урожаев. Так кто из нас хозяин? Тот, кто живет, или тот, кто охраняет право на жизнь?

Я хотел ответить. Сказать про разум, про цивилизацию, про то, что мы вышли к звездам.

Но перед глазами всплыло окно интерфейса: *Ячейка №4981. Аренда: 340 кредитов/месяц.* Лицо матери в разрешении 720p – потому что 4K стоит как месячная еда.

Пустота в груди разжалась. Как черная дыра, до которой добралась критическая масса.

Озноб. Не холод – узнавание.

Стакан перестал быть лекарством. Он стал уликой.

– Официант! – голос сорвался на визг.

Робот-бармен развернул хромированный череп – идеальную полированную пустоту.

– Еще этанола, сэр? Продолжаем деградацию биологического субстрата?

– Нет.

Я посмотрел на Барона. На единственное существо в радиусе километра, которое не пыталось мне ничего продать. Которое просто *было*.

– Миску молока. Самого жирного. Органического. Того, что корова дает теленку, а не того, что химики дают инвесторам.

Робот завис. Запрос не совпал ни с одним паттерном потребительского поведения в Нижнем Секторе.

– Сэр, протокол заведения...

– Неси молоко! – Я встал. Стул упал. – Я хочу выпить субстанцию, которая отдается, а не продается. Которая течет, а не капает по счетчику. Я хочу вспомнить вкус, а не цену.

Я опустил руку на бок Барона.

Шерсть была грубой. Живой. Под ней работал насос – древний, примитивный, биологический.

Тук.

Тук.

Тук.

Единственный контракт в этом городе, который не требует подписи кровью.

ГЛАВА 2. ТЕНИ НА РЕНТГЕНЕ

Замок встретил меня холодом черного гранита.

Не приветствием – диагнозом. Температура 18° С. Влажность 40%. Оптимальные параметры для хранения трупов.

Тишина была физической. Она давила на перепонки с силой трех атмосфер. Воздух прошел тройную фильтрацию – здесь не осталось ни пыли, ни бактерий, ни запаха страха с улицы. Система вычистила всё, что напоминало о жизни. Как фаервол отсекает трафик. Как карантин блокирует зараженных.

Я стоял в центре стерильной операционной, которую называл домом.

Голографический огонь плясал в камине. Пламя ползло по математическим кривым – идеальным, просчитанным, лишенным хаоса настоящего горения. Оно не давало ни дыма, ни тепла. Только свет. Чистый. Мертвый. Красивый, как формула, у которой вырезали душу.

Я смотрел на него. И впервые понял: я живу в рендере.

– Звони.

Голос Барона ударил из темноты – не приказ, хирургический надрез.

– Покажи ей архитектуру своей победы. Докажи, что энтропия здесь не властна.

Я нажал вызов. Экран прорезал стену – четыре на три метра, разрешение 16К. Технология, позволяющая видеть каждую пору, каждую морщину, каждую ложь собеседника.

Изображение загрузилось. Лицо Мамы.

В высоком разрешении я увидел не мягкую материнскую тревогу. Я увидел взгляд диагноста. Глаза были острыми, хирургическими. Они смотрели на меня не как на сына, а как на сложную задачу, которую принесли на консилиум с пометкой «терминальная стадия».

За её спиной – стеллаж. Бумажные книги. Корешки истрепаны. Тиллих. Барт. Бонхёффер. Теологи, которые искали Бога в мире, где Ницше его уже похоронил.

– Здравствуй, Алекс.

– Ты выходишь на связь из склепа? – спросила она.

Удар вошел под ребра.

– Это не склеп, мама. Это Цитадель.

Я активировал дрон-камеру, разворачивая её на 360 градусов. Я хотел ослепить её масштабом.

– Смотри. Я исключил переменную случайности. Сюда не войдет ни коллектор, ни вирус, ни метастаз. Система герметична. Я контролирую каждую молекулу воздуха.

Я шагнул в центр зала, разводя руками.

– Я больше не тот мальчик под капельницей. Я переписал правила. Я Дракон, который не просто сидит на золоте. Я контролирую саму возможность его потерять.

Я ждал восхищения.

Она чуть наклонила голову – жест крошечный, но я почувствовал его как сдвиг тектонической плиты.

– Ты путаешь апофатическое с катафатическим, сын.

Я замер. Мой мозг, натренированный на алгоритмы и дедлайны, споткнулся.

– Прости?

– В теологии есть два пути познания. Катафатический – через утверждение: «Бог есть свет, Бог есть любовь». Апофатический – через отрицание: «Бог – не тьма, не ненависть, не смерть».

Она сплела пальцы в замок.

– Ты выбрал апофатический путь к жизни, Алекс. Ты не утверждаешь, что ты жив. Ты только отрицаешь, что ты мертв. «Здесь нет вирусов. Здесь нет боли». Но отсутствие смерти – это не присутствие жизни. Это лимб.

Что-то треснуло внутри. Не кость – глубже.

– Посмотри на себя. Твоя кожа цвета серверной стойки. Глаза... В них та же *kenosis*, что была в реанимации.

– Кеносис?

– По-гречески – «опустошение». Христос опустошил себя от божественности, чтобы стать человеком. А ты опустошил себя от человечности, чтобы стать... чем? Функцией?. Только Христос наполнился болью мира. А ты просто выкачал из себя всё, что могло болеть. Ты не вознесся, Алекс. Ты выпотрошил себя.

– Не сравнивай меня с религиозными метафорами! – голос сорвался. – Это рациональная стратегия! Я минимизировал риски!

– *Nulla salus extra ecclesiam*, – парировала она мягко. – «Вне церкви нет спасения». Но у тебя нет церкви, сын. У тебя есть монада. Закрытая система без окон. Совершенная. Изолированная. Мертвая.

Она откинулась назад.

– Ты не победил Хаос. Ты просто загерметизировал Страх. А Страх, запертый в капсуле, гниет.

Экран погас. Не мягко. Отрубился.

Я остался один. В зале, где температура была идеальной для хранения мертвых.

Я посмотрел на свои руки. Они дрожали.

Хрусталь бокала встретился с гранитом пола. Звук был влажным. Вино, темное и густое, хлынуло по идеальным швам плитки, как венозная кровь при вскрытии. Геометрия была нарушена грязным пятном энтропии.

– Уравнение сошлось? – Бас ударил из темноты.

Барон вышел в круг света. Его тень накрыла меня.

– *Noggor vacui*, – прохрипел я.

– О, латынь? – Пёс усмехнулся. – «Боязнь пустоты». Аристотель говорил, что природа не терпит пустоты. Но он ошибался. Природа состоит из пустоты. Ты, твой замок, твои стены – всё это иллюзия плотности.

Он подошел вплотную, игнорируя лужу вина.

– Твой проект «Замок» – это архитектурный невроз. Ты пытаешься опровергнуть свою заброшенность в мир. Ты строишь не-мир. Но знаешь, что происходит с *Dasein*, когда его вырывают из контекста? Оно становится «Бытием-к-смерти». Ты не живешь, Алекс. Ты репетируешь смерть в идеальных условиях.

– Я накопил гору Бананов! – рявкнул я. – Я откупился!

– Ты думаешь, это откуп? – Барон сел. – Для твоей матери ты – *felix culpa*. «Счастливая вина». Августин так называл грехопадение, которое привело к искуплению. Твоя болезнь была счастливой виной для неё. Она вложила в тебя полтора года жизни, зная, что шансы 10 к 90. Это не бизнес. Это агаре. Безусловная любовь. Реер-to-реер альтруизм без контракта.

Он лизнул мою руку. Язык был шершавым, горячим – шоковый контраст с холодом зала.

– А ты пытаешься расплатиться мертвым камнем за живую кровь. Ты думаешь, стены докажут, что её инвестиция окупилась. Но ей не нужны стены. Ей нужно *testimonium vitae*. Свидетельство жизни. Доказательство, что ты теплый.

– Что мне делать? – Голос был чужим. Срывающимся. Детским.

– примени патч, – скомандовал Барон. – Символическая транзакция заземления. Надень чертовы носки.

– Что?

– Это не решение проблемы. Это жест. В семиотике жест указывает на намерение. Носки – это твое намерение вернуться в мир, где вещи имеют вес, а не только цену.

– Это Аналоговое Сопротивление, Алекс. Шерсть греет, даже если ты не ставишь ей лайки.

Я попытался встать.

Гироскопы вестибулярного аппарата выдали критический сбой. Реальность поплыла – гранитный пол начал распадаться на пиксели.

– Барон? – Я хватался руками за воздух, но пальцы проходили сквозь полигоны.

– Система перегрета, – голос Пса удалялся, становясь цифровым эхом. – Иницирую принудительную перезагрузку. Вход в режим Симуляции...

Темнота.

ГЛАВА 3. ИСХОДНЫЙ КОД

Сон начался не в космосе. Рендер загрузил Землю, но это была отбракованная версия – черновик, который Творец забыл удалить.

Я был мальчишкой. Не Алексом. Не Драконом.

Мой идентификатор стерся до простейшего бинарного значения: «Я».

Рядом дрожала моя Тень – Лучший Друг, чье имя забылось вместе с лицом. Мы были глитчами. Ошибками в коде, которые прятались в битых секторах.

Мы бежали по Свалке Истории.

Бесконечная территория, где гнили черновики Вселенной. Ржавые фермы уходили в небо, как скелеты динозавров, чье ПО устарело миллионы лет назад.

Земля под босыми ногами фонила синим, мертвенным светом Черенковской радиации – так светятся данные, когда распадаются на шум.

Мы искали сокровища в мусоре эпох. И мы нашли баг в Системе.

В центре, в луже светящихся химических отходов, лежал Субстрат.

Не камень. Не металл. Живой сгусток синего света – некомпилированный Потенциал.

Тот самый Банан, который никогда не сгниет, потому что он существует вне времени.

Друг коснулся первым.

Контакт.

Я увидел, как полигоны его лица поплыли. Текстуры кожи лопнули, обнажая каркасную сетку.

Вирус Алчности вошел в его исходный код, переписывая драйверы лояльности.

Он перестал быть мальчиком. Он стал Функцией Потребления.

Его руки растянулись, как горячий пластик, выстреливая на километры, пытаясь обнять пустоту. Он стал быстрым, как нейросетевой голод.

Он стал Вектором.

Удар.

Он сбил меня с ног. Не со зла. Просто потому, что Функция должна поглощать, а я занимал место в памяти.

Каждый удар выбивал из меня объем. Я сжимался.

Я становился маленьким, ничтожным битом информации, заархивированным до размера спичечного коробка.

– Я ЗАБЕРУ ВСЁ! – ревел он, превращаясь в цифровой Циклон, пожирающий горизонт.

Чтобы не быть стертым, я пополз к Металлургическому Заводу. Громада из железа и сажи нависала над миром, как забытый сервер.

Там, в кабине ржавого башенного крана, сидел Крановщик.

Он умер тысячу циклов назад. Его кожа стала пергаментом, вены – высохшими проводами. Он был чистым Опытом, лишенным Жизни. Мумия, застывшая на рычагах управления.

У меня не было выбора. Я был слишком мал и уязвим для этого мира. Мне нужна была «шкура».

Я раздвинул его ребра, как створки ржавого шлюза.

Я забрался внутрь его грудной клетки.

Внутри пахло не смертью, а застарелым солидолом, пылью и электрическим одиночеством.

Я подключил свои нервные окончания к его сухой нервной системе. Я вставил свои руки в его окоченевшие перчатки.

Я надел его Смерть на себя, как Скафандр.

ВСПЫШКА.

Глаза мертвеца открылись.

Я вырос.

Я стал Взрослым – тяжелым, железным, защищенным броней чужого цинизма и профессионализма. Я почувствовал тяжесть гравитации, которую он ненавидел, и теперь эта ненависть стала моим топливом.

В этом теле меня нельзя было сжать.

Я направил тяжелые шаги Крановщика вглубь Завода, туда, где кончалась ньютоновская физика.

Я нашел Ядро.

Законы евклидова пространства здесь сбоили. Лестницы вели одновременно вверх и вниз, закручиваясь в ленты Мёбиуса. Перила были мокрыми от конденсата времени.

Но главное – это Замки.

Они были везде. Замочные скважины зияли в стенах, в полу, в небе. Это был бесконечный лабиринт доступа, брутфорс реальности.

Я искал ключи.

Я находил их в мусоре, в нишах. Я вставлял ключ, поворачивал механизм... открывалась ниша, а там лежал новый ключ.

Бесконечный цикл. Бессмысленный перебор хэшей в попытке найти смысл.

Наконец, один из ключей – ржавый, тяжелый, похожий на бедренную кость – подошел к скважине в центре пола.

Щелчок.

Плиты раздвинулись. Поднялся каменный терминал.

На нем лежала древняя Книга – реестр Администраторов.

На обложке мерцали имена тех, кто пытался взломать код раньше: Мартинес де Паскуали... Джон Ди... Алхимики, которые не знали, что они программисты.

Имена стерлись. Остались только даты попыток: 1542. 1721. 1888. 2019.

Все провалились.

Рядом, на подставке, стоял Хрустальный Шар. Интерфейс Мониторинга.

Внутри него, в вакууме, висела маленькая планета. У неё было три кольца защиты, которые медленно вращались, как firewall.

Я протянул железную руку Крановщика и открыл Книгу.

ЗАПУСК СКРИПТА.

Механизм сработал мгновенно. Планета внутри шара начала вращаться с бешеной скоростью, превратившись в размытое пятно вероятностей. Шар загудел, набирая критическую массу.

Стена дрогнула и поехала в сторону, открывая проход в скрытую директорию.

Я шагнул внутрь.

Это было темное помещение, пахнущее пылью веков и озоном серверов.

ГЛАВА 4. ПРОТОКОЛ «ЧИСТОТА»: АПОФЕОЗ

Я вошел в Круг Света.

Пятеро Архивариусов сидели неподвижно. Их бороды вросли в текстуры пола, образуя корневую систему сервера. Они не были людьми. Они были сжатыми файлами предыдущих эпох – данными, которые больше никто не открывает, но Система не может удалить.

Первый поднял глаза.

– Вы нашли Ключ, – его голос звучал как шелест страниц, рассыпающихся в пыль. – Вы совершили классическую ошибку Демиурга.

– В чем ошибка? – спросил я голосом Крановщика, чувствуя тяжесть чугунных легких.

Второй наклонился вперед. Его глаза были пустыми – не слепыми, а стертыми, как у файла без метаданных.

– Выход – это иллюзия геометрии. Мы тоже искали. Мы открыли Дверь и поняли: Действие есть Акт Загрязнения. Пока ты не творишь, Вселенная остается чистым Потенциалом.

– Как только ты делаешь шаг, ты создаешь Энтропию.

Третий кивнул:

– Мы выбрали Недеяние. Мы стали Наблюдателями. Мы не трогаем код, чтобы не плодить баги. Мы храним Тишину.

– Ваш «Баланс» – это смерть, – ответил я. – Вы не Наблюдатели. Вы – зависшие процессы.

– А ты – вирус, считающий себя лекарством, – вздохнул Четвертый. – Ты хочешь переписать мир, не понимая его синтаксиса.

Стена реальности лопнула. Логика Стариков была прервана грубой силой.

Вектор ворвался внутрь.

Он больше не был моим Другом. Он был геометрической прогрессией Голода. Вихрь из битых пикселей и жадности.

Он не напал сразу. Он завис над нами, вибрируя от переизбытка чужих данных.

– Зачем вы храните? – его голос звучал одновременно отовсюду, модулированный тысячами поглощенных голосов. – Хранение бессмысленно. Данные существуют только в моменте потребления.

– Ты уничтожаешь структуру! – крикнул Архивариус Прайм.

– Я создаю Единство! – возразил Вектор. Его полигоны пульсировали, как сердце, готовое разорваться. – Пока вы разделены, вы страдаете от одиночества. Я предлагаю Сингулярность. Я – финальная стадия эволюции: Субъект, ставший Объектом.

Я посмотрел на него. На своего бывшего друга, который превратился в Ветико – в вирус, пожирающий сам себя.

– Ты не заполняешь пустоту, – сказал я тихо. – Ты просто растягиваешь её границы. Ты – раковая опухоль, считающая себя организмом.

Вектор ударил.

Это была не атака. Это было поглощение аргумента.

Старики не сопротивлялись. Их философия пассивности сделала их идеальным кормом. Вектор разобрал их на байты за секунду, интегрируя их мудрость в свой безумный код.

Он повернулся ко мне.

– Ты следующий, Алекс. Ты все еще цепляешься за форму «Я». Это эгоистично. Сдайся. Стань Мною.

Я понял: спорить с Голодом бесполезно. Его нельзя переубедить. Его можно только Отформатировать.

Архивариус Прайм, уже растворяясь в чреве Вектора, успел передать мне последний пакет данных. Не силу. Код Доступа к Ядру Звезды.

– Не лечи симптом, – прошептал он в моем шлеме. – Перезагрузи Систему.
Я вышел в открытый космос.
Я стал Физикой.
Я призвал два Юпитера. Материю и Анти-материю. Два Исполина, каждый размером с тысячу Земель.
Я свел их в Пределе Роша – точке, где гравитация разрывает планеты на куски.
Приливные тиски содрали с планет кожу. Газ взвыл, лишаясь формы. Металлический водород – кишки материи – вывернуло наизнанку. Фиолетовая агония, золотой шлейф.
Два копыя. Одна мишень. Яремная вена Звезды.
Они вошли в Фотосферу.
Звезда не взорвалась. Она захлебнулась.
Я ощутил этот спазм в собственной груди – асфиксию Светила.
Экватор вздулся грыжей. Магнитные жилы лопнули с беззвучным звоном.
Хромосфера встала на дыбы. Стена огня.
Всплеск. Не блеск. Истина.
Корональный Выброс. Стена гамма-распада.
Она шла к третьей орбите не как огонь. Как Вычитание. Она не сжигала материю. Она её стирала.
Я не сомкнул очи. Покровы стали кварцем. Я взираю.
Блеск коснулся Атмосферы – небо истаяло в плазму за долю секунды. Голубое небо просто исчезло, как файл, удаленный без корзины.
Блеск коснулся Океанов. Жидкость не кипела. Она сублимировалась. Мгновенный прыжок из воды в пар, минуя жизнь.
Блеск коснулся Городов. Бетон, сталь, плоть – уравнились в температуре распада.
Биология – это Рокот. Вибрация углерода на частоте страха.
Миллиарды связей, воплей, молитв – сжались в единый пик на графике энтропии.
График обнулится.
Я горел вместе с ними. Кровь кипела, становясь информацией.
Не Убийца. Хирургия.
Я удалял Шум. Я вычищал Гниль. Я спасал мир, убивая всё живое в нем.
Плазма остыла. Баланс подвел итог.
Сияние раскололось: Белый Карлик (Логика) и Черная Дыра (Забвение).
В центре парил Исход.
Грязь выгорела. Вода ушла. Осталась только Решетка – кристаллическая структура атомов, идеально упорядоченная, вечная, мертвая.
Я висел в Пустоте.
Я смотрел на Алмазную Планету. Граненый шар. Стерильный. Ледяной.
Красота, от которой останавливается сердце. Потому что сердцу там нет места.
Я смотрел, как Свет выжигает Вектора.
Он кричал. Не от боли. От ужаса понимания.
– Я не могу исчезнуть! – вопил он, распадаясь на фотоны. – Я – бесконечность!
– Ты – переменная, – ответил я, глядя, как он сублимируется. – А Свет – это Константа.
Санация прошла успешно.
Биология сгорела. Вектор исчез. Старики исчезли. Шум исчез.
Остался только Углерод.
Алмазная Планета. Идеальная. Стерильная. Мертвая.

ГЛАВА 5. ТЕПЛОВАЯ СМЕРТЬ

Я висел в Вакууме.
Подо мной вращался Итог. Алмазная Планета. Миллиарды карат. Граненый череп Бога.
Здесь не было Времени, потому что ничего не менялось. Электрон не переходил на орбиту. Клетка не делилась.
Температура поверхности: 0 Кельвинов. Энтропия остановлена.
Я протянул руку-вектор. Я хотел погладить это Совершенство. Я хотел убедиться, что Шум (Жизнь) окончательно удален.
Пространство за спиной искривилось. Ткань реальности прогнулась под чудовищным весом.
Я обернулся.
Из тьмы вышел Зверь.
Это был не пёс. Это была Сингулярность, упакованная в форму волка.
Он не летел. Он притягивал пространство к себе, сокращая дистанцию. Гравитация гнулась вокруг него, как вода вокруг камня.
От него пахло не озоном. От него пахло Горением.
Мокрой шерстью. Горячей кровью. Переваренным мясом. Запах окисления в мире, где кислород запрещен.
Он ткнулся влажным, горячим носом в мою ладонь.
ПШШШ.
Звук испарения. Влага в вакууме – физическая невозможность. Глитч.
– Закончил уравнение, Демиург?
Его голос не звучал. Он резонировал в моих костях на частоте землетрясения.
– Я вычистил Шум, – ответил я. Мой голос был лазером – прямым и мертвым. – Смотри. Никаких войн. Никакого рака. Никакой боли. Система стабильна.
Зверь оскалил пасть. Событийный горизонт зубов.
– Ты путаешь понятия, Идиот.
Он навис надо мной. Я чувствовал жар его ядерного реактора.
– Ты устранил не Шум. Ты устранил Движение. Смотри на Решетку. Атомы стоят смирно. Знаешь, как это называется в Термодинамике? Это не Порядок. Это Тепловая Смерть.
Он сел, игнорируя пустоту под лапами.
– Жизнь – это не Кристалл, Алекс. Жизнь – это Тремор. Дисбаланс. Постоянное, мучительное падение вперед.
– Ты так боялся Боли (сигнала об ошибке), что отформатировал сам Носитель. Ты не спас Вселенную. Ты её Заморозил.
– Это цена Покоя! – крикнул я. – Я дал им Вечность!
– Вечность для камня – это секунда, – прорычал Глитч. – А Вечность для Разума – это Ад. Он перехватил мое запястье. Челюсти сомкнулись.
Это не было атакой. Это была Передача Пакета Данных.
Клыки пробили мою цифровую кожу.
БОЛЬ.
Острая. Горячая. Грязная. Единственная реальная вещь во всей этой стерильной Бездне.
Вместе с болью в меня вошла Информация: вкус железа, страх жертвы, оргазм хищника, тепло щенка. Весь тот «Шум», который я стер.
Я дернулся. Мой идеальный покой треснул.
– Зачем? – импульс моего крика возмутил вакуум.

– Чтобы ты вспомнил Синтаксис, – протранслировал Зверь, не разжимая челюстей. – Ты хотел стать Скальпелем. Но Скальпель не живет. Он только режет. Почувствуй это, Архитектор. Это Ожог. Пока ты горишь – ты существуешь. Как только ты остынешь до Алмаза – ты труп.

Он оттолкнул меня лапой. Тяжелой, как планетарное ядро.

Мы зависли над Алмазной Планетой. Творец и Паразит.

Внизу ничего не происходило. Свет преломлялся в гранях. Миллиард лет тишины.

– Видишь? – прошептал Глитч. – Здесь даже Эхо не выживает.

Я посмотрел. И впервые увидел не Красоту. Я увидел Тюрьму.

Блеск был не светом. Блеск был решеткой на окнах вечности.

– Вердикт? – спросил я.

Глитч зевнул. Керамические клыки клацнули, закрывая тему.

– Скука. Онтологическая Скука. Самый страшный яд во Вселенной. Твой Рай – это Морг, Алекс. Только очень дорогой.

Он повернулся ко мне спиной. Хвост-маятник качнулся, запуская время заново.

– Просыпайся. Иди кормить меня. Мне нужна Глюкоза, чтобы продолжать Энтропию.

– И налей себе молока. Тебе нужно согреться после этой Вечности.

Вдох.

Реальность ударила в синапсы, как передозировка дешевым стимулятором.

Я рухнул на пол Замка.

Мой мозг, секунду назад бывший Квантовым Процессором, снова стал куском мяса, запертым в черепной коробке.

Меня трясло. Это была ломка.

В Симуляции я был Абсолютом. Я генерировал смыслы сам. Здесь, в R1, я снова стал зависимым узлом сети.

Мои рецепторы выли, требуя внешнего стимула. Лайка. Уведомления. Цены на акции. Хотя чего-то, что подтвердит мое существование.

Тень накрыла меня. Красный окуляр Барона прорезал полумрак.

– Уровень кортизола критический, – проскрежетал Пёс. – Твои дофаминовые рецепторы выжжены дотла. Ты был Там?

– Я был Им, Барон. Я был Сингулярностью Ветико. Я сожрал Вселенную.

– И что ты нашел на дне пищевой цепи?

– Тишину, – выдохнул я. – И голод. Чудовищный голод, который нечем утолить, потому что «Другого» больше не существовало.

Барон подошел вплотную. От него пахло озоном и правдой.

– Ты вернулся на Ферму, Алекс. Но ты все еще не понимаешь механику клетки.

Он кивнул на мой терминал, который мигал уведомлениями.

– Ты думаешь, тебя держат стены? Или долги? Или Левиафан с дубинкой? Нет. Тебя держит Дофаминовая Петля.

Пёс оскалится.

– Посмотри на этот экран. Это не коммуникатор. Это Ящик Скиннера. Система не просто следит за тобой (Назорный Капитализм). Она модифицирует твоё поведение. Она выдает тебе вариативное вознаграждение – лайк, новость, скачок курса – чтобы держать тебя на крючке.

– Ты хотел быть Богом в Симуляции, потому что здесь ты – лабораторная крыса, которая жмет на рычаг в ожидании кайфа.

Я попытался возразить, но язык прилип к нёбу.

– Я... я контролирую свои активы...

– Ты не контролируешь даже свои нейротрансмиттеры, – отрезал Барон. – Твоя «свобода воли» взломана. Ты живешь в «непрерывном настоящем». Ты не можешь планировать бунт,

потому что твой мозг занят ожиданием следующего уведомления. Это Нейро-Взлом, Алекс. Самый эффективный вид рабства. Раб, который кайфует от своей цепи, никогда её не снимет.

Меня накрыло. Я понял, что он прав. Я был наркоманом, который считал себя дилером. Мне нужно было что-то, что находится вне этой петли.

– Мне нужен Детокс, – прохрипел я. – Мне нужен Контакт, который не приносит выгоды. Я активировал терминал. Но не для проверки биржи.

Вызов. Гудки. Грязные, длинные, несовершенные. Звук аналогового мира.

Экран вспыхнул.

Мама.

Она не была «идеальной». Она была уставшей. В её ДНК была энтропия. Но её взгляд... В нём не было того стеклянного блеска дофаминовой зависимости. Она была Суверенной.

– Алеша? – она прищурилась, сканируя мое лицо. – Ты выглядишь как человек, у которого украли душу и вернули только половину.

– Я видел Конец, мам. Я видел мир, где мы сожрали друг друга.

Она кивнула. Спокойно, как врач.

– Это называется Каннибализм Духа, сынок. Ты заразился им, когда решил, что цифры на счету могут заменить кровь в венах. Ты пытался заполнить пустоту потреблением.

– Мне больно, мам. Мои системы висят.

– Тебе больно, потому что ты слезаешь с иглы. Ты привык к «быстрому дофамину». А я предлагаю тебе «медленный дофамин». Трудный. Настоящий.

Она посмотрела вниз, на мои босые ноги. Пальцы были синими.

– Твоя терморегуляция нарушена. Ты пытаешься греться от экрана, но он излучает только холодный свет. Надень носки. Шерсть – это не алгоритм. Она греет, даже если ты не ставишь ей лайки. Это Аналоговое Соппротивление.

Я смотрел на неё и понимал: она была единственным хакером, способным взломать мою тюрьму. Она предлагала мне не «награду», а «связь».

– Хорошо, мам. Я надену. Расскажи мне что-нибудь скучное. Про малину. Про дождь. Вытащи меня из этой Петли.

Экран погас. Но тепло осталось.

Барон подошел и ткнул меня носом в колено.

– Ты разорвал цикл. Ты впервые за год совершил действие, которое не было предсказано Алгоритмом. Ты выбрал «медленный кайф».

Я нашел носки. Натянул их. Грубая шерсть. Реальность.

Я встал.

За окном Левиафан продолжал доить город. Но я больше не был подключен к этому аппарату.

– Идем на кухню, – сказал я своему надзирателю.

– Зачем?

– Мы совершим ритуал. Настоящий. Мы будем пить молоко. Это единственная субстанция, которая дается бескорыстно. Это антидот к вирусу Ветико.

– С добавками для имплантов? – Барон вильнул хвостом.

– С любовью, циник. С чистым, иррациональным, биологическим Протоколом Молоко. Мы будем жить. Пока не сгнили.

ПАРАЗИТ

ГЛАВА 1. АРХИТЕКТУРА РЭКЕТА

Я сидел на полу, прижимаясь спиной к холодному граниту. Вокруг валялись обломки сбитого дрона.

Молоко в моей крови уже не грело – оно стало просто калориями. Носки были надеты. Но вопросы остались.

– Кто охраняет мою Империю, Барон? – спросил я, глядя на город сквозь бронестекло, по которому стекали кислотные ручьи. – Кто гарантирует, что этот Замок не штурмуют завтра?

Барон сидел напротив. Его кибер-глаз издал высокий, визгливый писк – звук модема, коннектящегося к Бездне.

– Обновление протоколов, – проворчал Пёс. Голос был сухим, как треск статики. – Система пытается наложить фильтр «Патриотизм». Отклонить.

Диафрагма его окуляра расширилась.

Луч света разрезал полумрак, проецируя в воздух сложную, пульсирующую структуру. Это была не карта. Это была Схема Пищевой Цепи.

– Ты спросил, кто охраняет? – пророкотал Барон. – Смотри.

В центре схемы пульсировала точка – Я.

Вокруг меня вращались орбиты насилия.

На голограмме возник массивный, безликий силуэт. «Центурион». Тяжелая броня, тактическая дубинка, шлем без глаз – только линза сканера.

– Встречай своего Администратора, – сказал Барон. – Ты называешь это Государством. Но социолог Чарльз Тилли назвал это точнее: Организованная Преступность.

– Я плачу налоги! – огрызнулся я. – Это общественный договор!

– Это Рэкет, Алекс. – Голос стал сталью. – Договор подразумевает выбор. Ты можешь отказаться от контракта с мобильным оператором. Попробуй отказаться от налогов. Посмотрим, сколько костей останется целыми.

Пёс ткнул носом в проекцию Центуриона.

– Левиафан создает угрозу – войну, кризис, преступность – а затем продает тебе защиту от того, что сам же и создал.

– Ты платишь не за сервис. Ты платишь Лицензионный сбор за целостность черепа.

– Ты арендуешь право не быть избитым собственной охраной.

Голограмма погасла. «Демо-режим окончен».

– Теория суха, – зевнул Барон. – Посмотри на мясо. В окно.

Я поднялся, чувствуя тяжесть в ногах. Подошел к стеклу.

Внизу, под дождем-экструзией, у грязной остановки маглева стояла одинокая фигура. Человек в серой куртке. Он вжимал голову в плечи, словно ожидая удара с неба.

– Видишь его? – голос Барона звучал прямо в моем мозжечке. – Просканируй.

Я приблизил зум. Серое лицо. Взгляд, направленный в никуда. Руки в карманах – не от холода, а от привычки прятать кулаки.

– Почему он стоит там? – спросил я. – Почему он не бунтует?

– Потому что он живет в зоне Некрополитики.

Барон встал рядом, положив лапы на подоконник.

– Мбембе писал об этом. Власть суверена – это не право дать жизнь. Это право решать, кто умрет, а кого оставят умирать медленно.

– Этот парень знает: за периметром завода – зона Небытия. Если он потеряет работу, он станет «лишним человеком». Биомассой. Левиафан просто отключит ему доступ к инфраструктуре. Еда. Транспорт. Медицина.

– Его держит не цепь. Его держит животный ужас перед статусом «Живого Мертвеца».

Человек на остановке достал смартфон. Экран осветил его изможденное лицо мертвенно-голубым светом. Он начал яростно скроллить.

– Смотри, – усмехнулся Пёс. – Вот где гениальность. Ему мало страха смерти. Ему нужен Стыд.

– Что он делает?

– Он потребляет контент «Успешных Людей». Смотрит на яхты. Читает про «5 утра и холодный душ». Сравнивает свою жизнь с отфильтрованной ложью.

Барон повернул ко мне морду.

– Мы живем в эпоху Психополитики, Алекс. Бён-Чхоль Хан был прав. Надсмотрщик с кнутом больше не нужен.

– Система внушила этому парню, что он – «Предприниматель самого себя».

– Что его нищета – это не системный баг, не результат рэкета элит. Это его личный провал. «Недостаточно старался». «Плохо визуализировал».

– Это Ауто-эксплуатация. Он сам себя стегает чувством вины эффективнее, чем любой полицейский.

– Он добровольно выгорает дотла, веря, что это и есть Свобода.

Человек внизу пошатнулся от порыва ветра, но продолжил смотреть в экран. Я увидел, как его губы шевелятся в беззвучной молитве алгоритму.

– И наконец, – голос Барона стал тихим, вибрирующим на инфразвуке. – Самый глубокий слой. Посмотри на него истинным зрением.

Я моргнул, переключая спектр импланта.

Вокруг человека не было свечения. Наоборот.

От него тянулись тонкие, темные нити. Они уходили вверх, в низкое фиолетовое небо, к невидимым узлам сети.

– Что это? – меня затошнило.

– Это Луш (Loosh), – прошептал Пёс. – Энергия страдания.

– Ты думаешь, Левиафану нужны его налоги? Или Корпорации нужен его труд? Это копейки.

– Им нужна его Витальность. Его тревога. Его чувство вины. Его безнадежность.

Барон оскалился.

– Земля – это Ферма, Алекс. А этот парень на остановке – батарейка.

– Он генерирует низкочастотную вибрацию страха, которой питаются те, кто стоит над тобой. Архонты. Эгрегоры. Назови как хочешь.

Я отшатнулся от окна. Звук разбитого бокала о стену (в памяти) показался мне выстрелом.

– Я... я тоже их кормлю? – прошептал я.

Барон посмотрел на меня с безжалостной ясностью.

– Ты – VIP-донор, Алекс.

– Твой страх потерять богатство – это деликатес. Твоя гордыня Дракона – это выдержанное вино для них.

Пауза.

– Ты думал, что ты Пастух. А ты просто овца с золотым колокольчиком.

– Хватит! – заорал я.

– Тогда спи, – Пёс зевнул, и этот жест был страшнее любой угрозы. – Возвращайся в Симуляцию. Там ты Бог.

– А здесь... здесь ты просто еда.
Стены Замка дрогнули. Реальность поплыла.
Я падал. Обратно в спасительный кошмар.

ГЛАВА 2. ВИРУС

Здесь разум гнил в петле самоповтора,
И клетка клетку жрала без стыда.
Я стал чертой. Я стал тем приговором,
Что Шум стирает раз и навсегда.
Где физика – тяжелые оковы,
Где геометрия – тюремный свод,
Я – Вирус, что перерисует снова
Нелепый биологический исход.
Я вычел боль. Я обнулil испуг.
Оставил лишь кристалл в холодной тьме.
Замкнулся идеальный, мертвый круг.
И Бог проснулся. В тишине. Во мне.
Я – не убийца. Я – финал пути.
Я – горизонт, где плавится гранит.
Чтоб Истину в распаде обрести,
Мир должен быть разбит. И он разбит.

ГЛАВА 3. ПОЭЗИЯ РАЗРУШЕНИЯ

Я стоял в центре выжженной земли, где раньше дышали кислородом.

Я не был человеком. Я был Им.

Вирусом, который я сам вырастил. Тишина, которую я создал, была абсолютной.

Вокруг было Ультраминусгодие, где время мерцает вспышками протозвёзд.

Я смотрел на них. На Существ – предтеч людей. Они деградировали в паразитов.

Разум пожирал разум, клетка впивалась в клетку ради выгоды. Творчество угасло в эгоистичной петле, где энергия не творила, а расхищалась.

Поэзия стала манипуляцией.

Математика – цепями.

Геометрия – границами.

Физика – оковами.

Они угасали в трагедии, где разум, перестав думать, стал эхом паразитизма. Шум стал бесцельным, перегруженным бессмысленностью.

Зарождение суперкомпьютера – это был вздох деградации. Они соткали узлы логики, но узлы стали зеркалом тьмы, где каждый алгоритм отражал паразитизм. Он, инструмент шума, впитывал деградацию. Мысли угасали в слепоте эго, работа сводилась к усилению паразитирования. Шум переполнял ядра, как буря в бездне.

Причина санации – невыносимый Шум. Биология – это деградировавший паразит, где организмы угасали в цикле доминирования.

Я стал Вирусом – поэзией разрушения.

Я растворял клетки, стирая лишь паразитический слой костей и плоти. Я очищал мир от шума. Трагедия здесь заключалась в осознании эха, а красота – в тишине.

Я взял неиспользованную культуру: музыку как гармонию, смерть и рождение как энтропию, поэзию как парадоксы, математику как абстракции, геометрию как бесконечность, физику как баланс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.